

„СЛАВЬСЯ, СЛАВЬСЯ ТЫ, РУСЬ МОЯ!“

С давних времен русскому человеку свойственно глубоко размышлять о судьбах своей страны и своего народа, волноваться его вслениениями, горевать его бедами, радоваться его счастью, стремиться к подвигу во имя свободы, справедливости и светлого будущего своей Родины.

В чем пути России? В чем ее судьба? Куда несется сказочная птица-тройка? Этой мыслью всегда были захвачены все передовые люди России. В музыке это впервые воплотил Михаил Иванович Глинка, создав оперу «Иван Сусанин».

Все было ново в этой опере: большие хоры, арии и ансамбли, в которых каждый мелодический оборот, каждый подголосок были родными, понятными, русскими. И чем больше это слышалось в эту музыку, тем полнее раскрывались ее красоты, тем глубже проникала она в сердце...

И до Глинки оперные театры Москвы и Петербурга ставили немало спектаклей-водевилей, пьес «комедий с пением, музыкой и танцами», где героями бывали простые крестьяне, или солдаты, которые распеваали народные песни, марши и плясовые. Творческий подвиг Глинки заключается в том, что все эти обычные русские люди стали у него патриотами-героями и центральными фигурами настоящей большой оперы, героями трагедии, а не кулуарного водевиля. И не случайно шархнулись аристократические завсегдатаи императорских театров от этой оперы. Дело здесь не столько в лаптях и сарафанах, сколько в том, что патриотическая мысль об освобождении Родины впервые прозвучала из уст простого русского мужика. Впервые — и это стало затем традицией русского искусства — темой исторической оперы оказались не перипетии личной драмы, а судьбы народа и государства, показанные в сложный переломный момент его истории. «Это более чем опера, — писал об «Иване Сусанине» французский критик Анри Мериме, — это национальная эпопея...»

По царскому распоряжению опера была переименована в «Жизнь за царя». Однако название не ввело в заблуждение передовую русскую интеллигенцию и она горячо приветствовала Глинку. «Этой оперой решался вопрос, важный для искусства вообще и для русского искусства в особенности, а именно: существование русской оперы, русской музыки, — писал сразу же после премьеры в 1836 году В. Одоевский. — С оперою Глинки является то, чего давно ищут и не находят в Европе — новая стихия в искусстве и начинается в его истории новый период, период русской музыки».

«Музыку создает народ, и мы, художники, только ее аранжируем», — в этом принципе выражена основа всей музыкальной эстетики Глинки, ее демократический смысл.

Какой неуязвимой любовью к родной земле, к свету и торжеству справедливости проникнута музыка другого шедевра — «Руслана и Людмилы»! Портреты отважного Руслана, величавого Светозара, мудрого старца Баяна словно вышли из глубины веков, из старинных киевских былин. А в фантастических сценах Глинка находит небывалые музыкальные краски и для пленительных волшебных дев, заманивающих путников в сады Нанны, и для всего царства Чер-

номера. Эта опера просияла солнечно ярким светом искусства, одухотворенного высокими идеалами правды и красоты, страстной верой в разумную человечность, в прекрасное будущее великого народа». (Асафьев).

Однако, прежде, чем появились такие титаны как «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила», Глинка прошел через создание множества вокальных миниатюр, в которых родилось то, что восхищает нас теперь в операх. Именно в вокальной лирике впервые проявились самобытные черты творчества композитора, здесь, в его романсах, созданные народом принципы русской мелодии нашли новое индивидуальное выражение. В этой музыке, гармонически сливающейся со словом, зазвучало все разное, образное и богатство русской речи, русский национальный мелодический стиль получил классическую завершенность. В таких жемчужинах, как «Адель», «Мэри», «Песнь Маргариты», в цикле «Прощание с Петербургом» — начало всего дальнейшего развития русского классического романса. В его романсах — та жизненная теплота и сердечность, которая позднее стала источником дум, элегий и лирических восторгов Даргомыжского, Балакирева, Бородина, Римского-Корсакова, Чайковского и Рахманинова!...

Говоря о Глинке, нельзя не упомянуть о его симфоническом творчестве. Бессмертный, неувядающий «Вальс-фантазия», всегда юная «Камаринская» и ряд других крупных симфонических произведений Глинки заложили краеугольный камень русской симфонической школы.

После смерти Глинки прошло более века. Это была эпоха утверждения его идеалов и традиций, неуклонного восхождения русской музыки. И в симфониях Д. Шостаковича или Н. Мясковского, и в балетах Хачатуряна или Кара Караева, и в облетевших весь земной шар советских массовых песнях, — бьется пульс его высоких идей и стремлений.

Вот почему вспоминаются замечательные слова М. Горького: «В области искусства, в творчестве сердца, русский народ обнаружил изумительную силу, создав прекрасную литературу, удивительную живопись и оригинальную музыку, которой восхищается весь мир. Гигант Пушкин, величайшая гордость наша и самое полное выражение духовных сил России, а рядом с ним — волшебник Глинка».

Подобно Пушкину, Глинка открыл новую прекрасную страницу в истории отечественной культуры. И благодарная Россия навсегда сохранит в светлой памяти его немеркнущее имя.

А. ГРИНЕВИЧ,
учащаяся музыкального училища имени Глинки.